

Дни Коммуны

Эти строки написаны после премьеры трагедии Бертольда Брехта «Дни Коммуны», законченной им в 1949 году и впервые поставленной на сцене драматического театра Карл-Маркштадта в текущем сезоне.

Премьера стала заметным событием не только в Германской Демократической Республике: на ней присутствовало много иностранных корреспондентов из Франции, Швеции, Норвегии, Чехословакии, Польши, СССР. Среди гостей были также представители западно-германских газет.

Чем же вызван такой общественный интерес к исторической пьесе? Почему столько вопросов было задано на предшествующей спектаклю пресс-конференции и руководству театра и постановщикам «Дней Коммуны», молодым режиссерам из «Берлинер ансамбля» — Бенно Бессону и Манфреду Векверту? Ответ на это один: пьеса Брехта затронула актуальные вопросы сегодняшнего дня.

На сцене, оформленной с подчеркнутой скупостью, броские приметы Парижа 1871 года: старомодная пушка... мундиры национальных гвардейцев... цилиндры и фракы на буржуа... широкие алые ленты через плечо на делегатах Коммуны. Но начинается действие — и со сцены в зрительный зал врывается ветер живой современности.

О чем идут страстные споры между ставшими у власти посланцами трудового Парижа? На их героическом пути — ими же брошенный

камень преткновения: смертельно опасная для дела революции дискуссия о том, допустимо ли насилие над врагами для тех, кто в принципе восстал против всяческого насилия?

...Коммуна задыхается без необходимых средств. По ее представителю робко отступает перед наглой демагогией директора национального банка священная собственность... служебная честь... служебная тайна.

Ропот недовольства в зрительном зале надо было национализировать банк!

А враг не дремлет. Поговору с Бисмарком из плена выпущены «надежные защитники порядка», сынки буржуа и темные крестьянские парни. Они брошены на рабочий Париж.

Не выпуская из рук крас-

ных знамен, один за другим гибнут лучшие сыновья и дочери Франции. В пьесе — это Жюневьева; человек труда, немовогословенный, кристально честный национальный гвардеец «папа»; милая, простая французская женщина — мадам Кобет, делившаяся последними крохами с защитниками Парижа: ее сын, влюбленный в науку, по велению сердца сменивший микроскоп на ружье коммунара. Среди павших за свободу и скромный солдат революции, делегат Коммуны, рабочий Ланжевен. Это он после тяжелых раздумий сказал, что в решительный час надо либо обогреть руки во вражьей крови, либо согласиться с тем, что враг их отрубит.

Расстрелянная версальскими пушками с высоко-

поднятой головой гибнет на баррикадах Коммуны. Клятва, данная парижскими коммунарами, сдержана с честью: каждый дом стал баррикадой, а если он был сдан, то баррикадами стали тела его верных защитников...

Последняя картина:

Вспорхнули руки в белоснежных перчатках: буржуазия осыпает комплиментами Тьера... Не о таком ли триумфе мечтал в наши дни палач Хорти, когда наемные палачи расправлялись в Венгрии с сынами народа? Но не те времена...

Окончен спектакль, но зрители долго еще не расходятся. После бурных оваций они толпятся в вестибюле театра, продолжают беседы на улице. Возле витрины толпа: здесь выставлен плакат со словами одного из героев трагедии — Ланжевена: «Не жди от Коммуны больше, чем от самого себя». Так пьеса о прошлом становится сегодняшней жизнью.

Спектаклем «Дни Коммуны» Брехт еще раз, уже смертно, утвердил себя в рядах непримиримых борцов против политического недомыслия, ханжества, слепоты, против злейшего врага человечества — капитализма. И не случайно, что он завещал первую постановку «Дней Коммуны» именно театру Карл-Маркштадта, городу немецких машиностроителей, городу славных революционных традиций.

Игорь МУРАТОВ

БЕРЛИН

На снимке: сцена из спектакля «Дни Коммуны».

ФЕВ 1957

Литературная газета
г. Москва